

Сяо Юньфу посмотрел на Хэ Яньтин и с самым искренним видом произнес:

— Конечно, достоинство для мужчины — вещь важная, но ведь я не обычный мужчина, верно? Да и ты — не обычная женщина, тебя невозможно мерить привычными мерками. Поэтому...

Он запнулся, а затем с заискивающей улыбкой добавил:

— Я уже осознал, как нелегко приходится вам, женщинам. Я признаю свои ошибки и впредь буду относиться к ним с большим уважением. Умоляю, возьми меня с собой на Персиковый пир! Ну, пожалуйста!

Хэ Яньтин молчала.

Персиковый пир, если говорить просто, был лишь способом для императрицы — матери государства — навести мосты и свести отпрысков императорской крови с детьми знатных фамилий. Если кто-то приглашается друг другу — можно засылать сватов. В этом не было ровным счетом ничего интересного.

Новый император взошел на престол внезапно, его права были сомнительны, а после того как Хэ Яньтин устроила кровавую чистку его сторонников, он занервничал и теперь отчаянно пытался заручиться поддержкой влиятельных кланов через браки своих детей.

Самым примечательным было то, что три старинных рода, чья история насчитывала столетия, отказались от приглашения императрицы: резиденция князя Сисянь, клан Муронов, клан Гань и клан Сюй.

Это было равносильно публичной пощечине новому императору. Они ясно дали понять, что не признают его власти, но поделаться с ними он ничего не мог.

Предок клана Муронов, Мурон Фу, был верным соратником основателя династии Сяо, императора Тай-аня. Если бы Мурон Фу сам не был равнодушен к трону, то, учитывая его заслуги, власть, возможно, никогда бы не досталась семье Сяо.

После воцарения император Тай-ань пожаловал Мурон Фу титул князя Сисянь, даровал в управление пять северо-западных провинций, позволил держать десять тысяч личных воинов и вручил меч Шанфан, дающий право вершить суд. Титул и земли стали наследными.

Клан Гань процветал уже двести лет. Из их рода вышли пять императриц: при прошлой династии Ци — императрицы Чуньси, Дэсянь и Фуань, а при династии Цзин — императрицы Гань Сюй и Цзюнь.

Императрица Цзюнь была родной матерью свергнутого наследного принца Сяо Юньфу. В день, когда клан Янь поднял мятеж, её принудили к самоубийству. Гань заранее просили премьер-министра Яня пощадить её, но тот нарушил слово и решил искоренить весь род Сяо. С тех пор между кланами Гань и Янь пролегла кровавая вражда.

Предки клана Сюй когда-то просто держали школу, где учился будущий основатель династии Цзин, Сяо Исюань. Именно там он познакомился со своими будущими верными советниками и полководцами, и именно там начал свой путь к восстанию.

Поэтому каждый глава клана Сюй имел привилегию управлять Академией и следить за

проведением государственных экзаменов. Любой ученый муж обязан был называть главу клана Сюй своим учителем.

Так что новому императору оставалось лишь проглотить эту обиду и ждать удобного случая, чтобы отомстить.

Хэ Яньтин изначально не хотела идти, но императрица пригласила её как супругу наследного принца, чтобы вместе председательствовать на пиру и выбрать главных и второстепенных жен для Янь Чэнхуаня, Янь Чэнсюя и Янь Чэнсы.

Поразмыслив, Хэ Яньтин согласилась и взяла с собой господина Фуюня, закрывшего лицо маской.

Атмосфера пира, до того непринужденная, в момент появления Хэ Яньтин заметно изменилась.

День выдался погожим, ветерок был легким. На Хэ Яньтин был простой красный халат, который подчеркивал её высокий, стройный и статный силуэт. Длинные черные волосы, собранные в тугой хвост, придавали ей решительный и собранный вид.

По сравнению с изнеженными барышнями её кожа казалась чуть темнее — следствие долгих лет, проведенных в походах и тренировках.

Но больше всего приковывал взгляд её острый, как сталь, пронзительный взгляд. В её глазах, словно в ярких звездах, читались кипучая энергия и дерзкие амбиции.

Казалось, этот взгляд способен пронзить любую ложь и лицемерие, заставляя окружающих опускать глаза. В каждом её движении чувствовалась сила — не только боевая мощь, но и непоколебимая вера в себя.

Девушки смотрели на неё кто с враждебностью, кто с презрением, кто с испугом, а кто с тайным восхищением. Юноши же выражали пренебрежение, насмешку или скрытую робость.

Хэ Яньтин оставалась невозмутимой.

Увидев её, императрица улыбнулась и потянула её к почетному месту:

— Яньтин пришла! Садись скорее, мы только тебя и ждали.

Хэ Яньтин слегка кивнула:

— Приветствую императрицу. — И села.

Сяо Юньфу по своей воле встал у неё за спиной. Он ловко и грациозно разливал вино и подкладывал закуски, словно привык к этому. В его движениях сквозила внимательность и едва уловимая нежность.

Хэ Яньтин на мгновение замерла, а затем покачала головой. Она коснулась его тонких, но сильных пальцев, останавливая его, и мягко улыбнулась:

— Я взяла тебя с собой не для того, чтобы ты прислуживал. Разве ты не говорил, что засиделся в четырех стенах? Ступай, прогуляйся по саду, полюбуйся видами.

Если встретишь старых знакомых, не принижай себя. С достоинством представься своим нынешним именем, я буду твоей защитой.

Сяо Юньфу был тронут до глубины души. Он поднял взгляд на Хэ Яньтин, и в его глазах блеснула благодарность.

— Слушаюсь! — Сяо Юньфу тихо удалился.

Императрица, конечно, заметила это взаимодействие. Она лишь удивленно проводила взглядом удаляющегося Сяо Юньфу и больше не обернулась.

— Прошу всех занять свои места, — произнесла она, обводя взглядом собравшихся.

Гости расселись.

— Я собрала вас сегодня, потому что три принца достигли возраста брака, и я хочу подобрать им достойных спутниц, — с улыбкой объявила императрица.

Девушки заволновались — это был шанс выпорхнуть из гнезда и стать фениксом.

Пир оживился. Знатные барышни начали демонстрировать свои таланты: кто-то играл на гучжэне, кто-то танцевал, кто-то декламировал стихи или рисовал.

Су Ваньцин, известная в столице талантами, мастерски сыграла на гучжэне — музыка звучала тоскливо и нежно, завораживая слушателей. Под бурные аплодисменты императрица похвалила её:

— Искусство игры госпожи Су поистине божественно.

Затем выступила Се Юйэр — её танец был легким и изящным, как полет небожительницы.

Лю Жуянь, девушка скромная, поразила всех своими стихами, полными искренних чувств. Императрица одобрительно кивнула, а гости восхищенно зашептались.

Линь Ваньжу представила картину с пейзажами, настолько живую, что все ахнули.

В этот момент внимание привлекла Лю Жосюэ, сводная сестра Лю Жуянь. Она играла на гучжэне так мелодично, что замирало сердце.

Однако Е Яо, чванливая аристократка, сгорая от зависти, решила перещеголять её. Она взялась за инструмент, но от волнения сбилась, и мелодия превратилась в какофонию. Раздались смешки, Е Яо покраснела от стыда и со злостью посмотрела на Лю Жосюэ.

Императрица лишь слегка нахмурилась.

Праздник продолжался, но за внешним весельем уже назревали интриги. Девушки жаждали власти, и колесо судьбы начало свой ход.

Хэ Яньтин допила вино и заметила:

— Недурно, весьма недурно.

Императрица спросила:

— Барышни, есть ли у вас на примете принц, который вам мил?

Девушки застенчиво молчали, и лишь Се Юйэр смело сделала шаг вперед:

— Мое сердце принадлежит первому принцу.

Императрица удивленно вскинула брови:

— Что ж, тогда я выступлю свахой. Се Юйэр объявляю второстепенной женой первого принца. А остальных... пускай выберет Яньтин. — Голос императрицы звучал с недобрым подтекстом.

Все взоры обратились к Хэ Яньтин. Она отставила бокал и с легкой улыбкой ответила:

— Хорошо.

Императрица, не ожидавшая такого быстрого согласия, остолбенела.

<http://bllate.org/book/22130/2305508>